

Ван Дайн С.

ДЕЛО БЕНСОНА

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Фило Вэнс

Стивен Ван Дайн

Дело Бенсона

«Алгоритм»

1926

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Ван Дайн С. С.

Дело Бенсона / С. С. Ван Дайн — «Алгоритм», 1926 — (Фило Вэнс)

ISBN 978-5-486-03728-3

Стивен Ван Дайн (1888–1939) – псевдоним Вилларда Хантингтона Райта. Этот американский журналист, издатель, искусствовед и писатель являлся автором ряда статей Британской энциклопедии о театре и изобразительном искусстве и... одним из основоположников «золотого века детектива». Он окончил Гарвардский университет. Работал редактором и критиком в газетах Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Сан-Франциско. Написал несколько книг по живописи, литературе и музыке. Известность они ему не принесли, и тогда Райт обратился к сочинению детективов. Его постоянный герой – сыщик-любитель Фило Вэнс, сноб, эрудит и поклонник изящных искусств. Кроме серии о Вэнсе Ван Дайн написал несколько внесерийных произведений и сценариев, а также разработал «Двадцать правил для пишущих детективы». Некоторые его романы были экранизированы. В данном томе представлен роман «Дело Бенсона». Это сенсационное дело было первым из многих, в которых Фило Вэнс фигурирует в качестве доброго друга прокурора Джона Ф. К. Маркхэма. Преступление, связанное со смертью Бенсона, заняло достойное место в анналах нью-йоркской криминальной полиции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-03728-3

© Ван Дайн С. С., 1926

© Алгоритм, 1926

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Стивен Ван Дайн

Дело Бенсона

Предисловие

Если вам придется посмотреть статистические данные в городе Нью-Йорке, то вы убедитесь, что число неразгаданных преступлений за четыре года пребывания Джона Ф. К. Маркхэма на посту окружного прокурора Нью-Йорка гораздо меньше, чем за то же время у любого из его предшественников. При Маркхэме прокуратура непосредственно принимала участие во всех видах расследований преступлений, и в результате этого многие дела, в которых полиция безнадежно топталась на месте, были успешно раскрыты.

И хотя лично ему приписывались многие удачные расследования, истина требует сказать, что в некоторых известных делах он был лишь инструментом в чужих руках. Человек, который действительно распутывал эти дела и собирал доказательства для обвинения, на самом деле не был никоим образом связан с судебной администрацией, никогда не занимал общественного положения и не фигурировал ни на одном процессе.

В то время я был другом и официальным советником этого человека, и поэтому многие факты мне хорошо известны. Только совсем недавно я получил право сделать их достоянием общественности. Но даже теперь я не властен назвать его имя, и по этой причине в моих повествованиях он фигурирует как Фило Вэнс.

Конечно, вполне возможно, что по моим описаниям многие узнают его, в таком случае я убедительно прошу их сохранять тайну. В настоящее время он живет в Италии. Недавно он разрешил мне описать некоторые события, в которых был центральной фигурой, но настоятельно просил сохранить его имя в тайне. Я не думаю, что это имеет смысл, но тем не менее выполняю его просьбу.

Дела, в которых принимал участие Фило Вэнс, начались с истории таинственного убийства Бенсона. Преступление, связанное со смертью этого человека, заняло достойное место в анналах нью-йоркской криминальной истории.

Это сенсационное дело было первым из многих, в которых Вэнс фигурирует в качестве *amicus curiae*¹ прокурора Джона Ф. К. Маркхэма.

С. Ван Дайн
Нью-Йорк.

---

¹ Заботливый друг (*лат.*).

Глава 1

Фило ВЭНС дома

(Пятница, 14 июня, 8.30 утра)

В то знаменательное утро 14 июня, когда было обнаружено тело убитого Олвина Х. Бенсона, я завтракал с Фило Вэнсом у него дома. Надо сказать, что подобное случалось редко. Дело в том, что Вэнс вставал поздно и имел привычку до полудня быть один. Во время ланча и обеда мы виделись часто.

Причина нашей встречи – дело; правда, дело чисто эстетическое. Днем раньше Вэнс просмотрел акварели Сезанна в галерее Кесслера и отобрал несколько из них, которые хотел приобрести, поэтому и пригласил меня рано утром, чтобы дать указания насчет приобретения картин.

Несколько слов о наших отношениях с Вэнсом, чтобы объяснить мое участие во всех событиях. В силу традиции моей семьи я окончил Гарвардский университет и стал юристом. Там-то я и познакомился с Вэнсом, замкнутым, циничным и ядовитым первокурсником, проклятием всех профессоров и ужасом для своих сокурсников. Почему он выбрал именно меня из всех студентов университета, я до сих пор объяснить не могу. Моя преданность Вэнсу объясняется просто: он очаровал и заинтересовал меня, явился поводом для ранее неведомых мне интеллектуальных наслаждений. Я был тогда (да и сейчас остаюсь) самой банальной личностью с консервативным, тривиальным умом. Правда, я неплохой специалист, и сухие статьи закона не иссушили мой ум. Во всяком случае, некоторые черты моего характера понравились Вэнсу. И хотя во всем мы были полной противоположностью друг другу, тем не менее все время были вместе и вскоре стали друзьями.

Окончив университет, я вступил в фирму моего отца «Ван Дайн и Дэвис» и после пяти лет ученичества был принят младшим партнером и стал вторым Ван Дайном в фирме «Ван Дайн, Дэвис и Ван Дайн», контора которой расположена на Бродвее. К тому времени, когда мое имя появилось на фирменных бланках, Вэнс вернулся из Европы, где жил во время моего ученичества. Умерла его тетка, единственным наследником которой он был, и он вступил во владение наследством. Технической стороной введения его в наследство занимался я.

Эта работа явилась началом новых и в какой-то мере необычных отношений между нами. Вэнс испытывал неприязнь ко всякого рода делам, и в конце концов я стал его поверенным. Я нашел, что его дела требуют массу времени, и, поскольку Вэнс мог позволить себе роскошь иметь личного поверенного в делах, запер свой стол в конторе и посвятил себя его делам и капризам.

Если к моменту нашей беседы о покупке акварелей Сезанна в глубине души меня еще грызло сожаление об уходе из фирмы «Ван Дайн, Дэвис и Ван Дайн», то в это богатое событиями утро оно полностью исчезло. И, начиная с известного дела Бенсона, в течение почти четырех лет моей привилегией было право являться свидетелем расследования преступных дел, которые составляют сейчас изумительные секретные документы в архивах полицейского округа.

В этих драмах Вэнс был главным действующим лицом. Обладая редкостным аналитическим умом, он решал многие загадки важных преступлений, в которых безнадежно увязли и полиция и прокуратура.

Благодаря своей дружбе с Вэнсом я не только лично видел все происходящее, но и принимал участие во всех обсуждениях, которые имели место. Будучи пунктуальным, я регулярно вел записи. Также должен добавить, что я записывал уникальные психологические методы

Вэнса, которые он мне время от времени объяснял. К счастью, я сохранил все свои записи. И теперь, когда имею разрешение Вэнса на публикацию некоторых дел, я прибегаю не только к воспоминаниям, но и к записям, которые вел по горячим следам. Поэтому я могу не только сообщить все детали дел, но и описать последовательно события.

К счастью, первым делом Вэнса было дело об убийстве Олвина Бенсона. Не только потому, что оно было одним из крупнейших криминальных дел в Нью-Йорке, но и потому, что оно дало Вэнсу удобный случай проявить свой редкий талант дедуктивного мышления, а также пробудило в нем интерес к деятельности, которую он прежде презирал.

Это дело вторглось в жизнь Вэнса внезапно и нарушило его привычный образ жизни. Оно свалилось на нас жарким июньским утром, прежде чем мы успели позавтракать, и наши планы, связанные с приобретением Сезанна, были нарушены. Когда день спустя я посетил галерею Кесслера, две акварели из отобранных Вэнсом уже были проданы. И я убежден, что, несмотря на свой успех в разрешении дела Бенсона и в спасении невинного человека от ареста, он все же никогда не чувствовал полного удовлетворения из-за потери этих двух акварелей.

Итак, в то утро, когда Карри – слуга Вэнса, выступавший в роли камердинера, дворецкого, мажордома и даже повара, – ввел меня в гостиную, Фило Вэнс сидел в большом кресле и разглядывал книгу Волларда о Сезанне.

– Простите, что я не встаю, Ван, – приветствовал он меня. – Этот фолиант об искусстве Сезанна не дает мне пошевелиться. Кроме того, плебейское раннее вставание изнуряет меня.

Он закрыл книгу.

– Воллард неплохо разбирается в живописи, – заметил он. – Я виделся с ним вчера. Сейчас у Кесслера отличное собрание его картин. Я договорился с Кесслером, что вы сегодня придете к нему, чтобы кое-что купить для меня.

Он протянул мне небольшой каталог:

– Вот посмотрите, Ван. Я отметил то, что интересует меня. Только не сердитесь, дорогой Ван. Это очень красивые безделушки, и можно сказать с уверенностью, что они подскочат в цене, так что это неплохой способ вложения денег, лучше, чем те акции, которые вы покупали для моей ныне покойной тетушки Агаты.

Страстью Вэнса (если только чистый интеллектуальный энтузиазм может быть назван страстью) было искусство, и не какая-то его часть, а искусство в самом широком, универсальном смысле. Искусство являлось самым главным его увлечением.

Вэнс имел удивительное чутье и собрал неплохую коллекцию картин и других раритетов. Коллекция его была разнородной и собиралась по одному ему известному принципу. Каждый, кто разбирался в искусстве, чувствовал какое-то единство в предметах, которыми он окружал себя. Вэнс был одним из тех редких людей, которые собирали коллекции с философской точки зрения.

Его квартира на Восточной Тридцать второй улице, в старомодном двухэтажном особняке, была набита редкостными предметами искусства не только Востока и древности, но и нашего времени. У него были картины начиная от древних итальянских мастеров до Сезанна и Матисса, работы Микеланджело и Пикассо. Коллекция китайских эстампов Вэнса была самой лучшей частной коллекцией в стране. Он обладал прекрасными образцами работы китайских мастеров.

– Китайцы – самые великолепные художники Востока, – сказал он мне однажды. – Их работы имеют глубокий философский смысл. В противоположность им японцы поверхностны; между декоративными поисками Хokusая и осознанным артистизмом Рариомина – большая пропасть.

Вэнс был, как принято говорить, дилетантом, но его не интересовало, что думают о нем другие. Он был человеком необыкновенного ума и культуры. Аристократ по происхождению и духу, он презирал низость во всех ее проявлениях. Большинство из тех, с кем он вступал в

контакт, считали его снобом. Однако в его снисходительности и надменности не было ничего ложного. Глупость он ненавидел еще больше, чем вульгарность или плохой вкус. Я не раз слышал, как он повторял известную фразу Фуше: «Хуже преступления – быть дураком». И он воспринимал ее буквально.

Вэнс был откровенным циником, но его цинизм был скорее легкомысленным, чем дерзким, так сказать, цинизм Ювенала. Возможно, лучше его назвать скучным и высокомерным человеком и в то же время глубоко честным и пронизательным. Однако он был на редкость обаятельным. Даже те, кто считал, что им трудно восхищаться, все же утверждали, что его трудно не любить. В нем было что-то донкихотское – в манерах, в английском акценте, оставшемся со времен Оксфорда, – так считали те, кто мало знал его. Но так или иначе в нем было что-то от *roseur*.

Внешне он был необычайно симпатичным, хотя линия рта была несколько аскетична и жестка, как линии рта у некоторых Медичи. Более того, в линии его бровей было что-то смешное. Но у него был высокий лоб интеллектуала, широко посаженные серые глаза, крупный, но красивый нос, узкий выпуклый подбородок. Когда я недавно видел в «Гамлете» Джона Барримора, то он мне несколько напомнил Вэнса, а немного раньше, в «Цезаре и Клеопатре», Форс-Робинсон был похож на Вэнса.

Ростом Вэнс не превышал шести футов, был стройный и мускулистый. Он неплохо фехтовал и в университете был капитаном команды. Он хорошо играл в гольф и один раз даже выступал за университет в соревнованиях по водному поло против Англии. Несмотря на прекрасное физическое сложение и занятия спортом, он положительно не любил ходить, и если была возможность ехать, то он не проходил и сотни ярдов.

Одевался он изысканно и тщательно, но неброско. Основное время он проводил в клубе. Его любимым был «Стюйвезант-клуб», потому что, как он говорил мне, это единственный клуб, далекий от политических и коммерческих интересов, а он никогда не вступал в дискуссии, требующие каких-либо умственных усилий. Он посещал оперу, любил слушать симфонические концерты.

И еще он любил играть в покер и был самым непогрешимым игроком из всех, каких я когда-либо видел. Я упоминаю об этом факте не потому, что в этом есть что-то многозначительное и необычное для человека типа Вэнса, которому больше бы пристало играть в бридж или шахматы, а потому, что его знание человеческой психологии, которая широко применяется при игре в покер, не раз помогало ему в разгадке той или иной тайны.

Его знания в области психологии и в самом деле казались невероятными. Он был способен разобраться в чужой психике так, будто читал сокровенные мысли. В университете он всегда внимательно слушал лекции. Пока я изучал уголовные и гражданские законы, право римское и финансовое, основы контрактов и тому подобное, Вэнс постигал науку о поведении человека. Он изучал историю религий, греческую классику, биологию, основы гражданского права и политическую экономию, философию, антропологию, литературу, теоретическую и экспериментальную психологию, древние и современные языки.

У Вэнса был философский склад ума – философский в самом широком смысле. Будучи свободен от сентиментальности, предубеждений и предрассудков, он был в состоянии глубоко постичь психологию человеческой личности и выяснить мотивы поступков и действий людей. Больше того, он избегал всего, что шло вразрез с его холодным, логическим мышлением. «Пока мы не умеем разрешать все человеческие проблемы, – заметил он однажды, – с той тщательностью, с которой врачи проводят свои исследования на морских свинках, мы не сумеем добиться правды».

Вэнс вел активную, но не стадную жизнь. Не знаю, существовали ли еще люди с такими недоразвитыми общественными инстинктами, как у него. Слово «долг» он понимал весьма превратно, но все же считался с этим понятием.

Итак, Карри унес землянику и яйца, которые мы не доели, унес и «Бенедиктин», который мы не допили. Было почти девять часов, и я еще не знал, что начинается первое из многих волнующих дел, которые мне довелось пережить за четыре года.

Мы сидели и потягивали кофе, изредка попыхивая сигаретами, когда Карри, открыв на звонок дверь, привел к нам окружного прокурора.

– Не верю своим глазам! – шутливо воскликнул тот, поднимая руку в знак приветствия. – Нью-йоркский знаток искусств уже встал.

– И дьявольски страдает от этого, – в тон ему отозвался Вэнс.

Однако было видно, что у окружного прокурора далеко не игривое настроение. Неожиданно он помрачнел.

– Вэнс, меня привело сюда весьма серьезное дело. Я очень тороплюсь и забежал на минутку, чтобы сообщить вам, что... Дело в том, что убит Олвин Бенсон.

Вэнс вяло посмотрел на него.

– В самом деле, – пробормотал он. – Какая неприятность! Но он, несомненно, заслужил это. Придвиньте кресло к столу, и Карри нальет вам кофе. – Он нажал кнопку звонка.

Маркхэм нерешительно посмотрел на него, потом махнул рукой:

– Ну хорошо. Пара минут не играет никакой роли. Но только одну чашку. – И сел в кресло.

Глава 2

На месте преступления

(Пятница, 14 июня, 9 часов утра)

Джон Ф.К. Маркхэм был избран окружным прокурором Нью-Йорка в результате победы на выборах кандидатов от независимых. Он был прокурором четыре года, и, возможно, его избрали бы на второй срок, если бы не происки его противников. Он был неутомимым работником и превратил прокуратуру в действенный орган правосудия. Будучи человеком неподкупным, он окружил себя только своими сторонниками и внушил чувство безопасности всем, кто верил в закон и справедливость.

После нескольких месяцев работы Маркхэма прокурором одна из газет окрестила его Сторожевым Псом, и эта кличка, прилипнув к нему, сохранилась за ним. В самом деле, его выступления в качестве обвинителя пользовались таким успехом и были настолько замечательны, что их часто цитируют в политических и официальных выступлениях даже сегодня.

Маркхэм был высоким, крепко сложенным мужчиной около сорока лет с чисто выбритым, молодежьим лицом, которому никак не соответствовали седые волосы. Он не был красив, если судить по обычным стандартам, но в нем угадывалась исключительная индивидуальность. Кроме того, он был человеком высокой культуры, что редко встречается даже в наши дни среди официальных должностных лиц. И в то же время это был человек с необузданным и грубым характером. Но его грубость смягчалась воспитанностью и не являлась грубостью, вызванной чувством превосходства над другими. Он был обходительным, когда это не касалось его служебных обязанностей. Но в начале моего с ним знакомства я видел, как его сердечность неожиданно заменяется мрачной властью. Передо мной возникал как бы совсем иной человек – твердый, упорный, символ вечного правосудия. Я часто бывал свидетелем подобных трансформаций Маркхэма, пока длилось наше знакомство.

Сейчас он сидел напротив меня в гостиной Вэнса с выражением упрямой агрессивности на лице, и я знал, что он глубоко удручен убийством Олвина Бенсона.

Он торопливо глотал кофе и чуть не разбил чашку, когда Вэнс, с изумлением следивший за ним, заметил:

– Скажите, почему у вас такой печально озабоченный вид? Не вы ли, случайно, являетесь убийцей?

Маркхэм игнорировал легкомысленное замечание Вэнса.

– Я еду к Бенсону. Хотите поехать со мной? Как-то вы спрашивали меня о серьезном деле. Я обещал взять вас с собой и теперь хочу выполнить обещание.

Я тут же вспомнил, как несколько недель назад в «Стюивезант-клубе», когда темой разговора стали убийства в Нью-Йорке, Вэнс выразил желание участвовать в одном из расследований, которым будет заниматься Маркхэм, и тот в свою очередь обещал привлечь Вэнса к ближайшему расследованию серьезного дела. Практически для подобного желания со стороны Вэнса послужил его интерес к психологии человеческого поведения, а дружба с Маркхэмом как раз предоставляла для Вэнса широкие возможности.

– Вы не забыли об этом? – лениво осведомился Вэнс. – Спасибо за восхитительный, хотя и не очень приятный подарок. – Он взглянул на часы, стоящие на камине. Было без нескольких минут девять. – Но какое неподобающее время! А если меня кто-нибудь увидит?

Маркхэм нетерпеливо дернулся в кресле.

– Ну, если вы решите, что удовлетворение вашего любопытства компенсирует неловкость, которую вы испытываете при появлении на публике в девять часов утра, тогда поторо-

пимся. Я, конечно, считаю, что вам следует ехать в халате и шлепанцах. К тому же мне бы не хотелось терять время, ожидая, пока вы оденетесь.

– К чему такая спешка, старина? – спросил Вэнс, зевая. – Парень этот мертв, не так ли? Теперь он уже никуда не сбежит.

– Да пошевеливайтесь вы! – прикрикнул Маркхэм. – Это не шуточное дело. Оно дьявольски серьезно и, судя по всему, грозит чудовищным скандалом. Так вы идете?

– Иду ли я? Я скромно слеую за мстителем. – Вэнс встал и поклонился Маркхэму.

Он позвонил Карри и приказал подать одежду.

– Я буду помогать Маркхэму возиться с трупом и потому хочу выглядеть изящно. Сегодня достаточно тепло для шелкового костюма?.. И лавандовый галстук.

– Надеюсь, вы не нацепите зеленую гвоздику? – усмехнулся Маркхэм.

– А вы начитались мистера Хиченса, – поддел его Вэнс. – Надо же: такая ересь из уст окружного прокурора! Во всяком случае, вы хорошо знаете, что я никогда не ношу бутоньерок. Украшения для мужчин – это дурной вкус. Это удел развратников и саксофонистов... Но расскажите мне пока об этом Бенсоне.

Вэнс одевался с помощью Карри с такой скоростью, какую я никогда не видел и не ожидал от него. За его добродушным настроением скрывались тревога и волнение.

– Я полагаю, вы слышали об Олвине Бенсоне, – начал окружной прокурор. – Так вот. Сегодня утром его экономка позвонила в полицейский участок и сообщила, что нашла своего хозяина убитым в его любимом кресле в гостиной. Сообщение об этом было немедленно передано в Управление полиции и прокуратуру. Мой помощник тут же уведомил меня. Я пытался оставить это дело в руках полиции, но полчаса спустя позвонил майор Бенсон, брат Олвина, и попросил меня как об одолжении заняться этим делом. Я знаю майора уже двадцать лет и не смог отказать ему. Поэтому я так тороплюсь попасть в дом Бенсона. Он живет на Западной Сорок восьмой улице, и я решил заехать за вами, помня о вашей просьбе взять вас с собой на расследование подобного дела.

– Очень мило с вашей стороны, – пробормотал Вэнс, глядясь в зеркало. Потом он повернулся ко мне: – Поедем, Ван, посмотрим на покойного Бенсона. Я уверен, сыщики Маркхэма раскопают факт, что я ненавижу невоспитанных людей, и обвинят меня в преступлении, все же безопаснее чувствовать рядом своего адвоката... Вы не возражаете, Маркхэм?

– Конечно, нет, – с готовностью согласился Маркхэм, но я чувствовал, что он предпочел бы не видеть меня рядом. Однако это дело настолько заинтересовало меня, что я решил забыть условности и вскоре с Маркхэмом и Вэнсом спустился вниз по лестнице.

Мы сели в такси и поехали по Мэдисон-авеню. По дороге я в который раз удивлялся дружбе этих несхожих людей – прямого и откровенного, неподкупного и сурового, сверхсерьезного Маркхэма и непостоянного и подвижного, циничного и веселого Вэнса. Однако какими бы ни были различия между ними, они не мешали их дружбе. Похоже, что каждый из них видел в другом то, чего не доставало ему самому. Маркхэм олицетворял для Вэнса твердость и неизменность жизненных устоев, тогда как Вэнс символизировал для Маркхэма беззаботность, экзотику и жажду интеллектуальных приключений. Их близость была гораздо большей, чем это было видно, и, несмотря на преувеличенное осуждение Маркхэмом поступков и мнений Вэнса, он уважал глубокий ум Вэнса и считался с его мнением.

Пока мы ехали в машине, Маркхэм был молчалив и мрачен. С тех пор как мы вышли из дома, он не проронил ни слова, но, когда мы свернули к Сорок восьмой улице, Вэнс обратился к нему:

– Как положено действовать согласно этикету в доме, где есть покойник: снимать шляпу или нет?

– Можете оставить ее на голове, – отрезал Маркхэм.

– Боже мой! Похоже на синагогу, да? Очень интересно! Может быть, надо снимать обувь, чтобы не наследить в доме?

– Нет, – ответил Маркхэм. – Гости остаются полностью одетыми. Никакой разницы между визитом к живому или мертвому нет.

– Мой дорогой Маркхэм! – Голос Вэнса звучал меланхолично. – Ужасный моралист по природе снова заговорил в вас. Это ваше замечание целиком в духе Эповрта Лигуша.

Маркхэм был не в состоянии следить за мыслью Вэнса.

– Есть одна или две вещи, – рассудительно произнес он, – о которых я вас должен предупредить. Учтите, что это дело наделает шуму и будет много драк ради чести. Я не особенно верю в эффективность полиции, которая будет заниматься этим делом. Поэтому будьте осторожны и не порицайте их за неправильный путь, который они могут выбрать. Мой помощник, который уже находится там, сказал мне, что он думает, будто инспектор передаст дело Хэсу. Хэс – это служащий из Бюро уголовных расследований, и он, несомненно, убежден, что в настоящий момент я делаю все, чтобы предать это дело огласке.

– А разве вы не его начальник? – спросил Вэнс.

– Конечно, и это делает ситуацию еще более сложной и деликатной... Боже, как бы я хотел, чтобы майор не обращался ко мне!

– Гм! – вздохнул Вэнс. – Мир полон таких Хэсов. И это сильно раздражает.

– Вы неправильно поняли меня, – торопливо вмешался Маркхэм. – Хэс – хороший человек. Раз дело передают Хэсу, значит, Управление считает его очень серьезным. Неприятностей никаких не будет, но я хочу, чтобы атмосфера была по возможности тихой и ясной. Хэс будет рассматривать вас обоих как зрителей, которых я привел с собой, поэтому я прошу вас, Вэнс, держаться скромнее.

– Если вы не возражаете, я предпочту краснеть, как роза. И непременно угощу этого сверхчувствительного Хэса своими лучшими сигаретами «Реджа» с лепестками роз.

– Если вы это сделаете, – улыбнулся Маркхэм, – он, возможно, арестует вас как подозрительную личность.

Мы остановились в конце Сорок восьмой улицы у старинного кирпичного дома. Этот дом, построенный в те дни, когда постоянство и красота ценились среди городских архитекторов, был высшего класса. Дом по замыслу не отличался от соседних, но превосходил их роскошью и индивидуальностью, которая сказывалась в декоративном оформлении гребня стен и в разных украшениях около входа и над окнами.

Между тротуаром и входом в дом была большая лужа, но поверх нее лежала стальная решетка, которая подходила прямо к десятифутовой лестнице, ведущей к двери. Между дверью и стеной справа было два широких окна, закрытых тяжелыми железными решетками. Перед входом в дом толпилась группа подавленных зрителей, а возле лестницы болтались молодые люди с тревожными и озабоченными лицами репортеров.

Дверь нашего такси открыл полисмен, который отсалютовал Маркхэму и стал прокладывать нам путь в толпе. Другой полисмен узнал Маркхэма, пропустил нас и отдал честь.

– Ave, Caesar, te salutamus², – прошептал мне Вэнс с усмешкой.

– Успокойтесь, – проворчал Маркхэм. – У меня достаточно хлопот и без ваших передернутых цитат.

Мы открыли массивную дубовую дверь и вошли в прихожую, где нас встретил помощник окружного прокурора Динвидди, серьезный, смуглый молодой человек с преждевременными морщинами на лице. У него был такой вид, будто вся человеческая скорбь и все человеческое горе легли на его плечи.

---

² Здесь подразумевается обращение римских гладиаторов к императору перед боем: «Ave, Caesar, morituri te salutant» (лат.) – «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть тебя приветствуют».

– Доброе утро, шеф, – приветствовал он Маркхэма с явным облегчением. – Я чертовски рад, что вы приехали сюда. Это дело довольно ясное. Заурядное убийство, хотя пока нет основной нити.

Маркхэм мрачно кивнул и посмотрел мимо него в гостиную.

– Кто там? – спросил он.

– Люди, которых прислал главный инспектор, – ответил Динвидди, пожимая плечами. – Они работают.

В этот момент в дверях гостиной появился высокий, массивный мужчина средних лет, розовощекий, с пышными светлыми усами. Увидев Маркхэма, он с протянутой рукой направился к нему. Я немедленно узнал в нем главного инспектора О’Брайена, одного из руководителей полиции. Он важно поздоровался с Маркхэмом, а потом мы с Вэнсом были представлены ему. Инспектор О’Брайен сдержанно кивнул каждому из нас и направился обратно в гостиную, а Маркхэм, Динвидди, Вэнс и я последовали за ним.

Комната, в которую мы вошли через широкую двойную дверь, была очень большой, почти квадратной, с высокими потолками. Два окна выходили на улицу, а на противоположной от них стене было еще окно, выходящее на асфальтированный двор. Слева от этого окна была дверь, которая вела в столовую.

Комната поражала показной роскошью. На стенах висело несколько тщательно обрамленных картин, изображавших бегущих лошадей, и несколько охотничьих трофеев. Огромный восточный ковер покрывал пол. В середине одной из стен был устроен камин, окаймленный лепными украшениями, над ним – мраморная каминная полка. По диагонали в углу справа стояло пианино из орехового дерева, отделанное медными украшениями. Затем книжный шкаф из красного дерева со стеклянными дверцами, прикрытыми занавесками; небольшой письменный стол со множеством ящиков; невысокая венецианская скамейка, отделанная жемчугом; небольшой столик из тикового дерева, инкрустированный бронзой, на котором стоял большой медный самовар; еще один инкрустированный стол длиной около шести футов – в центре комнаты. Рядом со столом, ближе к двери в коридор, спинкой к окнам стояло большое плетеное кресло.

В этом кресле находилось тело Олвина Бенсона.

Хотя я два года провел на передовой во время войны и видел множество ужасных трупов, я не мог подавить чувства сильного отвращения при виде этого убитого человека. Во Франции смерть казалась неизбежной частью ежедневной обыденности, но здесь, в этой роскошной обстановке, смерть выглядела каким-то злым роком. Яркое июньское солнце заливало комнату, из окон доносился обычный городской шум, какофония звуков, свидетельствующая о мирной и спокойной жизни.

Тело Бенсона в кресле занимало такое естественное положение, что казалось, вот сейчас он повернет голову в нашу сторону и спросит, почему мы вторглись в его дом. Его голова была чуть откинута на спинку кресла. Правая нога была закинута на левую. Локтем правой руки он слегка касался стола, а левая свободно лежала на ручке кресла. Но что больше всего поражало и подчеркивало естественность его позы – это небольшая книжка, которая была у него в правой руке, как будто он читал и на мгновение оторвался от нее.

Он был убит выстрелом в лоб, и на лбу виднелась маленькая круглая дырка, почерневшая от свернувшейся крови. Большое пятно крови на ковре около кресла указывало на обильное кровотечение, вызванное проникновением пули в мозг. Если бы не эти ужасные следы, то можно было бы подумать, что он на мгновение оторвался от книги и откинулся на спинку кресла, чтобы отдохнуть.

Он был одет в старый смокинг и брюки от вечернего костюма. На ногах красные шлепанцы. Рубашка расстегнута, как будто ему жарко. Внешне он не был привлекательным человеком, особенно некрасива была его лысая голова. Кроме того, он был очень толст. Толстые,

обвисшие щеки, такая же обвисшая морщинистая шея. Вздогнув от отвращения, я перенес внимание на других людей, находящихся в комнате.

Два здоровенных парня с огромными руками и ногами разглядывали стальную решетку на окнах. Особое внимание они уделяли тем местам, где решетка была вцементирована в стену, и изо всех сил старались расшатать ее. Другой мужчина, среднего роста, со светлыми усами, следил за их работой. Еще один человек, в костюме из голубой саржи и котелке, уперев руки в бока, разглядывал труп, сидящий в кресле. Он разглядывал его с такой настойчивостью, будто надеялся узнать у трупа тайну убийства.

Какой-то мужчина необычной наружности стоял у ближайшего окна и разглядывал через ювелирную лупу небольшой предмет у себя на ладони. Я узнал его по фотографиям, которые часто видел в газетах. Капитан Карл Хагедорн – самый известный в Америке эксперт по оружию – был огромным и рослым человеком лет пятидесяти. Его поношенный черный пиджак прохудился на локтях, а брюки обтягивали лодыжки, что придавало ему комический вид. У него была круглая, ненормально большая голова, а уши, казалось, приросли к ней. Рот прикрывали громадные косматые усы. Капитан Хагедорн уже тридцать лет сотрудничал с нью-йоркской полицией, и хотя все Управление потешалось над ним, его очень уважали и считались с его мнением. Его мнение, высказанное по поводу любого огнестрельного оружия, было окончательным и принималось всеми сотрудниками Управления.

У двери, ведущей в столовую, разговаривали двое мужчин. Один из них был инспектор Уильям Моран, руководитель детективного бюро, а второй – Эрнест Хэс, о котором нам рассказывал Маркхэм.

Едва мы вслед за старшим инспектором О'Брайеном вошли в комнату, как все прекратили свои занятия и уставились на нас. Маркхэма они приветствовали холодно, но почтительно. Только капитан Хагедорн, едва оторвав голову от предмета на своей ладони, бросил на нас беглый взгляд и тут же уткнулся в созерцание чего-то малого с таким отсутствующим видом, что это вызвало легкую улыбку Вэнса.

Инспектор Моран и сержант Хэс выступили вперед. После церемонии рукопожатия (что, я заметил, было среди членов полиции и работников прокуратуры чуть ли не религиозным ритуалом) Маркхэм представил Морану и Хэсу Вэнса и меня и коротко объяснил причину нашего присутствия здесь. Инспектор Моран вежливо поклонился нам, было видно, что он смирился с нашим появлением. Но сержант Хэс игнорировал объяснение Маркхэма и смотрел куда-то в сторону, как будто мы вообще не существовали.

Инспектор Моран резко отличался от всех остальных. Он выглядел лет на шестьдесят, голова совсем седая, усы с проседью. Одет он был чрезвычайно тщательно. Он скорее напоминал какого-нибудь маклера с Уолл-стрит, чем полицейского офицера³.

– Я поручил это дело сержанту Хэсу, – пояснил он низким, хорошо поставленным голосом. – Похоже, что у нас будет масса неприятностей, прежде чем мы закончим его. Даже главный инспектор так думает. Он был здесь в восемь часов утра.

Инспектор О'Брайен отошел от нас, как только мы вошли в комнату, и сейчас с серьезным и непроницаемым видом стоял возле окна.

– Ну, я, пожалуй, пойду, – прибавил инспектор Моран. – Они вытащили меня из постели в половине восьмого, и я еще не завтракал. Раз вы здесь, то я уже не нужен. Доброго утра. – И он снова пожал нам руки.

Когда он ушел, Маркхэм обратился к своему помощнику:

---

³ Позже я узнал, что инспектор Моран был президентом одного из банков, который лопнул во время кризиса 1907 года, а чуть позже его уговорили поступить в полицию.

– Динвидди, посмотрите, пожалуйста, за этими людьми. Здесь они, как дети в лесу, но хотят знать, как делается подобная работа. Объясните им все, а я пока поговорю с сержантом Хэсом.

Динвидди принял поручение Маркхэма радостно. Я думаю, ему не терпелось найти слушателей, чтобы излить свое возбуждение. Мы трое приблизились к трупам, и я тут же услышал мрачный голос Хэса:

– Я полагаю, теперь вы передадите это дело мне, мистер Маркхэм.

Динвидди и Вэнс о чем-то разговаривали, а я с интересом наблюдал за Маркхэмом, поскольку был наслышан о соперничестве между полицией и прокуратурой.

Маркхэм посмотрел на Хэса и снисходительно улыбнулся.

– Я здесь для того, чтобы работать с вами вместе, а не для того, чтобы мешать. Я бы не явился сюда, если бы мне не позвонил майор Бенсон и не попросил лично приехать. И особенно я хочу, чтобы мое имя не упоминалось. Достаточно хорошо известно, что майор мой друг, поэтому лучше не упоминать обо мне.

Хэс что-то пробормотал, но я не расслышал, однако было ясно, что он удовлетворен. Хэс хорошо знал Маркхэма, знал, что его слово твердо, и, кроме того, ему нравился прокурор.

– Поскольку это дело в руках полиции, – продолжал Маркхэм, – то вам, очевидно, придется принять репортеров. Меня это устраивает, – он добродушно улыбнулся, – ведь в случае чего-нибудь непредвиденного ругать они будут вас.

– Все ясно, – сказал Хэс.

– В таком случае, сержант, давайте приступим к делу.

Глава 3

Женская сумочка

(Пятница, 14 июня, 9.30 утра)

Окружной прокурор и сержант Хэс подошли к трупу и остановились рядом с ним.

– Вот видите, – начал Хэс, – он был убит выстрелом спереди. Выстрел был произведен удивительно точно, пуля попала в лоб, вышла с затылка и попала в деревянную панель между окнами. – Он указал место на деревянной облицовке, куда попала пуля. – Мы нашли стреляную гильзу, а капитан Хагедорн вытащил пулю.

Он повернулся к эксперту по оружию.

– Как дела, капитан? Что-нибудь особенное?

Хагедорн медленно поднял голову и, близоруко шурясь, посмотрел на сержанта. Сделав несколько неуклюжих движений, он ответил:

– Пуля сорок пятого калибра, армейского образца, выпущена из автоматического кольта.

– Вы можете сказать, капитан, как близко к Бенсону находился этот кольт?

– Да, сэр, могу, – с тяжеловесной медлительностью проговорил Хагедорн. – Между пятью и шестью футами, возможно.

Хэс хмыкнул.

– Возможно, – повторил он, обращаясь к Маркхэму. – Вот видите, сэр, раз капитан так говорит... Видите ли, сэр, ничто, кроме пуль сорок четвертого и сорок пятого калибра, да еще армейских, то есть со стальной оболочкой, не может пробить голову человеку, как головку сыра. Да и для того, чтобы пуля впиалась в деревянную обшивку стены, необходимо было стоять довольно близко к Бенсону. Поскольку на лице убитого нет следов пороха, стало быть, расстояние, указанное капитаном, вполне реально.

В это время раздалось хлопанье входной двери, и вскоре к нам присоединился доктор Доремус, главный судебно-медицинский эксперт, со своим помощником. Он пожал руки Маркхэму и О'Брайену и по-дружески отсалютовал Хэсу.

– Простите, что я не мог приехать пораньше, – извинился он.

Это был нервный человек с крупным морщинистым лицом и манерами торговца недвижимостью.

– Ну-с, что мы имеем здесь? – сказал он, направляясь к трупу.

– Это вы нам скажете, док, – заметил Хэс.

Доктор Доремус подошел к убитому с тем выражением, которое вырабатывается у людей, привыкших к трупам за много лет работы. Сперва он внимательно осмотрел лицо. По-моему, он искал следы Пороха. Потом осмотрел лоб и пощупал дырку на затылке. Затем он ощупал руки убитого и покачал его голову из стороны в сторону. Убедившись, что смерть наступила давно, он обратился к Хэсу:

– Можно снять его с кресла?

Хэс вопросительно посмотрел на Маркхэма:

– Как вы считаете, сэр?

Маркхэм кивнул, и Хэс, подзвав двоих мужчин, стоявших у окна, приказал им перенести труп на тахту. Но и на тахте труп продолжал занимать сидячее положение, и доктор Доремус и его помощник принялись разгибать застывшие члены трупа. Потом труп раздели, и доктор Доремус принялся искать другие раны. Особое внимание он обращал на руки. Закончив осмотр, он выпрямился и вытер руки большим цветастым носовым платком.

– Выстрел произведен прямо в лоб, – заявил доктор. – Пуля пробил голову насквозь. Вы нашли ее, не так ли? Он проснулся в момент выстрела. Смерть наступила мгновенно, возможно, он даже не узнал, кто стрелял в него... С момента смерти прошло, я бы сказал, восемь часов, может быть, чуть больше.

– Ну, скажем, его убили в половине первого ночи. Это возможно? – спросил сержант Хэс. Доктор посмотрел на часы.

– Да, возможно... Что еще?

Все молчали. После долгой паузы заговорил старший инспектор:

– Доктор, мы бы хотели еще сегодня получить отчет о вскрытии.

– Хорошо, – кивнул доктор. Он уложил инструменты в саквояж и вручил его своему помощнику. – Но в таком случае нужно побыстрее отправить тело в морг.

Он церемонно раскланялся и торопливо ушел. Хэс повернулся к детективу, который стоял у стола, когда мы вошли в комнату:

– Бэрк, позвони в Управление, пусть побыстрее пришлют машину за трупом. Потом отправляйся в Управление и жди меня.

Бэрк отсалютовал и исчез.

Затем Хэс обратился к одному из детективов, изучавших решетки на окнах.

– Ну что, Сниткин? – спросил он.

– Ничего, сержант, – последовал ответ. – Никаких шансов. Решетки крепки, как в тюрьме.

Через окна никто не проходил.

– Хорошо, – сказал Хэс. – Тогда вы оба следуйте за Бэрком.

Когда они ушли, подвижный человек в костюме из голубой саржи подошел к столу и положил два окурка.

– Я нашел их под каминной решеткой, – меланхолично объяснил он. – Этого мало, конечно, сержант, но больше ничего нет.

– Хорошо, Эмери, – усмехнулся Хэс. – Ты здесь больше не нужен. Позже увидимся в Управлении.

Хагедорн медленно шагнул к Хэсу.

– Полагаю, я здесь тоже не нужен. Но эту пулю я пока оставлю у себя. На ней есть какие-то странные метки. Вы не возражаете, сержант?

Хэс снисходительно улыбнулся:

– Конечно, не возражаю. Берите на здоровье. Надеюсь, вы не потеряете ее.

– Конечно, не потеряю, – серьезно уверил его капитан и, ни на кого не глядя, тяжело двинулся к выходу.

Вэнс, который стоял позади меня, около двери, повернулся и последовал за ним. Несколько минут они тихо разговаривали. Вэнс, кажется, задавал вопросы, и я, хотя стоял довольно далеко от них, улавливал отдельные слова, вроде «траектория», «начальная скорость», «угол огня», «движущая сила», «удар», «отклонение» и тому подобные, и удивился интересу Вэнса.

Пока Вэнс благодарил Хагедорна, в холл вошел инспектор О'Брайен.

– Вы уже действуете? – Он покровительственно улыбнулся Вэнсу и добавил без всякого перехода: – Пойдемте, капитан, я отвезу вас в город.

Маркхэм услышал его слова.

– Вы приготовили для Динвидди комнату, инспектор? – спросил он.

– Конечно, – ответил инспектор. Они втроем удалились.

Мы с Вэнсом остались в комнате вместе с Хэсом и окружным прокурором и вдруг как по команде сели в кресла. Вэнс сел у двери в столовую лицом к тому креслу, в котором был убит Бенсон.

Я с интересом наблюдал за действиями Вэнса с момента прибытия в этот дом. Едва войдя в комнату, он нацепил монокль, и хотя он выглядел пассивным и равнодушным, я знал, что это его действие означает самый живой интерес. Когда его ум был встревожен и он хотел быстро во всем разобраться, он надевал монокль. Обычно он обходился без него. Я заметил, что монокль дает ему скорее ясность ума, чем ясность зрения⁴.

Сначала он без особого любопытства разглядывал комнату и с какой-то апатией и скукой следил за происходящим, но во время коротких бесед Хэса с подчиненными его лицо приняло выражение циничного удивления. Следя за общим рассуждением помощника окружного прокурора Динвидди, Вэнс бесцельно прохаживался по комнате, разглядывая различные предметы и стараясь не задеть мебель. Наконец он остановился у деревянной панели и наклонился вперед, разглядывая дыру, оставленную пулей, и сразу после этого направился к двери и выглянул в холл. Единственное, что действительно привлекло его внимание, это тело убитого. Он несколько минут постоял около него, разглядывая с разных позиций и особое внимание уделяя рукам, как будто не мог понять, каким образом убитый держит книгу. Однако скрепленные ноги еще больше заинтересовали его, и он даже присел, чтобы лучше рассмотреть их. Наконец он сунул монокль в жилетный карман и подошел к двери, у которой стояли Динвидди и я. За дальнейшими действиями сержанта Хэса он наблюдал с ленивым равнодушием вплоть до отъезда капитана Хагедорна.

Итак, только мы вчетвером расселись по разным углам комнаты, как вдруг в дверях появился полицейский, дежуривший в вестибюле.

Он отдал честь Хэсу и доложил:

– Сэр, пришел человек из местного полицейского участка. Он говорит, что ему нужен офицер, ведущий следствие. Могу я впустить его?

Сержант Хэс сдержанно кивнул, и вскоре перед нами предстал огромный рыжеволосый ирландец в штатском. Он отдал честь Хэсу, но, узнав окружного прокурора, начал докладывать ему:

– Я полицейский Мак-Лолин из полицейского участка на Западной Сорок восьмой улице. Прошлую ночь я дежурил в этих местах. Примерно около полуночи перед этим домом остановился большой «кадиллак». Я обратил на него внимание потому, что на заднем сиденье было много рыболовных принадлежностей и горели все огни. Когда утром я услышал о преступлении, то доложил своему сержанту о машине, и он прислал меня сюда, доложить вам.

– Великолепно, – сказал Маркхэм и кивнул, подражая манерам Хэса.

– Возможно, в этом что-то есть, – сказал последний с явным сомнением. – Как долго стояла здесь эта машина, Мак-Лолин?

– Во всяком случае, не менее получаса. Впервые я увидел ее до полуночи, потом я был здесь примерно в половине первого, и она все еще стояла, но в следующее мое появление здесь машины уже не было.

– Вы видели что-нибудь еще? Кого-нибудь, садящегося или выходящего из машины, или того, кто, по-вашему, мог быть ее владельцем?

– Нет, сэр, я не видел никого.

Он ответил еще на несколько разных вопросов и был отпущен.

– Во всяком случае, рассказ о машине понравится репортерам, – сказал Хэс.

Во время расспросов Мак-Лолина Вэнс сидел с таким равнодушным и скучающим видом, что я не уверен, слышал ли он хоть одно слово. Он даже едва сдерживал зевоту. Потом он встал, прошелся по комнате и наконец остановился у центрального стола, взяв в руки один из окурков, найденных в камине. Вэнс долго крутил окурков между большим и указательным

---

⁴ У Вэнса было зрение с небольшой бифокальностью. Астигматизм правого глаза составлял 1,2, тогда как левый глаз был нормальным.

пальцами, пока не высыпался табак, остаток которого он положил себе на ноготь большого пальца и поднес к носу.

Хэс, который сердито наблюдал за его манипуляциями, неожиданно наклонился вперед.

– Что вы там делаете? – грубо спросил он.

– Нюхаю табак, – отозвался Вэнс и удивленно приподнял брови. – Он довольно нежный и с чем-то смешан.

Хэс сердито нахмурился.

– Вам лучше сидеть на месте, сэр, – посоветовал он. Потом оглядел Вэнса с ног до головы и сердито спросил: – Вы табачный эксперт?

– Конечно, нет, дорогой мой, – слащаво отозвался Вэнс. – Моя специальность – скарабеи династии Птолемеев.

– Вам действительно не следует ни к чему прикасаться, Вэнс, – дипломатично вмешался Маркхэм. – На месте преступления никогда не известно, что может оказаться важным. Эти сигаретные окурки могут быть важной уликой.

– Уликой?! – воскликнул Вэнс. – Боже мой! Вы никогда мне этого не говорили! Очень интересно.

Маркхэм был явно раздражен, а Хэс кипел от ярости, но сдержался и даже выдавил из себя улыбку. Очевидно, он чувствовал, что был слишком резок с другом окружного прокурора, однако даже друзьям следует выговаривать, если они ведут себя плохо.

Однако Хэс никогда не был низкопоклонником и льстецом со своими начальниками. Он знал свое место, не обращал внимания на то, что думают о нем другие, и был равнодушен к дальнейшей карьере. Тем не менее упорство и твердость характера вызывали уважение к нему, и за это его все ценили.

Он был рослым, сильным человеком, крепко сложенным, но тем не менее двигался легко и даже грациозно. Его голубые глаза смотрели твердо и уверенно. У него был маленький нос, твердый овальный подбородок и всегда плотно сжатые губы. В его черных волосах, хотя он давно перешагнул за сорок лет, не было и намека на седину. Голос у него был громкий, с агрессивными нотками, однако он повышал его крайне редко. И вообще он внешне напоминал традиционного детектива. Конечно, в нем было много хорошего, и в это утро я поймал себя на том, что люблюсь им, хотя он явно был ограниченным человеком.

– Так какова ситуация, сержант? – спросил Маркхэм. – Динвидди сообщил мне лишь один голый факт об убийстве.

Хэс откашлялся.

– Мы получили сообщение об этом около семи часов, – начал он. – Миссис Платц, экономка Бенсона, позвонила в местный полицейский участок и, сообщив, что нашла своего хозяина мертвым, попросила немедленно прислать кого-нибудь. Сообщение об этом конечно же было незамедлительно передано в Управление. В то время меня там не было, но Бэрк и Эмери дежурили. Они известили об этом инспектора Морана и немедленно отправились сюда. Несколько человек из местного участка уже были здесь и вели предварительную работу. Когда инспектор прибыл и ознакомился с ситуацией, он немедленно позвонил мне. Когда я приехал, местных полицейских уже не было, а Бэрку и Эмери помогали трое или четверо человек из бюро. Инспектор позвонил капитану Хагедорну – он считал, что это крупное дело и нужен классный эксперт, – тот прибыл незадолго до вашего появления. Мистер Динвидди прибыл сюда вскоре после инспектора и немедленно позвонил вам. Старший инспектор О’Брайен появился чуть раньше меня. Миссис Платц я допросил, а мои люди обшарили дом сверху донизу.

– Где сейчас миссис Платц? – спросил Маркхэм.

– Наверху, под наблюдением одного из местных полицейских, – ответил Хэс. – Она живет здесь.

– Почему вы назвали доктору половину первого как возможное время убийства?

– Миссис Платц сказала мне, что она примерно в это время слышала звук выстрела, и я решил, что этим выстрелом был убит Бенсон. Теперь я действительно верю, что это так, потому что это подтверждается многими вещами.

– Я думаю, нам еще раз следует поговорить с миссис Платц, – сказал Маркхэм. – Но скажите: вы нашли здесь что-нибудь такое, что может навести на след?

Хэс едва заметно колебался. Он достал из кармана женскую сумочку и пару женских перчаток и положил все это на стол перед окружным прокурором.

– Один из местных полицейских нашел это возле камина.

После осмотра перчаток Маркхэм открыл сумочку, высыпал содержимое на стол и стал внимательно изучать, а Вэнс с безучастным видом курил сигарету.

Сумочка была покрыта золотой сеткой и украшена сапфирами. Она была необычайно мала и, видимо, предназначалась для ношения с вечерним платьем. Содержимое, которое сейчас рассматривал Маркхэм, состояло из плоского, обтянутого шелком портсигара, золотого флакона духов, cloisonne⁵ пудреницы, небольшого красивого мундштука из янтаря, губной помады в золотом футляре, расшитого французского носового платка с монограммой «М. Ст. К.» и ключа от йельского замка.

– Это может дать нам неплохую нить, – сказал Маркхэм, указывая на метку. – Я надеюсь, сержант, вы обращались с этими предметами осторожно?

Хэс кивнул:

– Да, и я полагаю, что эта сумочка принадлежит женщине Бенсона, которая была здесь прошлой ночью. Экономка сказала, что вечером у него было свидание и он ушел. Когда он вернулся, она не знает; я думаю, что мы без труда найдем владелицу сумочки.

Маркхэм взял портсигар и открыл его. Несколько крошек табаку просыпалось на стол. Хэс вскочил.

– Может быть, сигареты из этого портсигара? – воскликнул он. Он схватил окурки и осмотрел его. – Да, это женская сигарета. И похоже, что ее курили через мундштук.

– Я не согласен с вами, сержант, – медленно проговорил Вэнс. – Надеюсь, вы простите. Кончик сигареты испачкан губной помадой. Правда, ее трудно различить на золотом обресе, но она есть.

Хэс резко повернулся и посмотрел на Вэнса. Он был слишком удивлен, чтобы негодовать или обижаться. После разглядывания сигареты он снова повернулся к Вэнсу.

– Может быть, вы по табачным крошкам скажете нам, что окурки из этого портсигара? – с мрачной иронией сказал Хэс.

– А разве вы сами не можете определить это? – произнес Вэнс, неохотно отрываясь от кресла.

Вэнс задумчиво осмотрел портсигар, открыл его и, достав сигарету, показал Хэсу.

– Я думаю, сержант, – сказал он, – что и невооруженным глазом видно, что они тождественны.

Хэс добродушно усмехнулся.

– Да он совсем как мы, мистер Маркхэм, – заметил Хэс и, достав конверт, тщательно уложил в него сигарету, взятую из портсигара, и окурки, найденный в камине.

– Вот видите, Вэнс, как важны бывают сигаретные окурки, – заметил Маркхэм.

– Я бы этого не сказал, – отозвался Вэнс. – Какая ценность в этом окурке? Его даже докурить невозможно.

– Это улика, мой дорогой, – объяснил Маркхэм. – Мы найдем владелицу сумочки и узнаем, почему она так долго была здесь, что успела выкурить две сигареты.

---

⁵ Французская эмаль.

Вэнс удивленно поднял брови:

– Правда? Да это же замечательно.

– Остается только найти ее, – вмешался Хэс.

– Она – довольно решительная брюнетка, вы можете ее допросить, но, знаете, я не понимаю, почему вам хочется позлить эту леди?

– Почему вы сказали, что она брюнетка? – спросил Маркхэм.

– Ну если она не брюнетка, то собирается ею стать, – ответил Вэнс. – Я понял это по цвету пудры и губной помады. Видите ли, дорогой мой, такие цвета блондинкам не подходят.

– Я предпочитаю согласиться с вашим мнением, Вэнс, – улыбнулся Маркхэм и обратился к Хэсу: – Итак, сержант, будем искать брюнетку.

– Я согласен, – весело сказал Хэс, и я понял, что сейчас он простил Вэнсу уничтоженный второй окурочок.

Глава 4

Рассказ экономки

(Пятница, 14 июня, 11 часов утра)

– Теперь, я полагаю, – сказал Маркхэм, – надо осмотреть дом. Я знаю, сержант, что вы уже сделали это, но хочу сам ознакомиться с обстановкой. Кстати, мне не хочется допрашивать экономку, пока не уберут отсюда труп.

Хэс встал.

– Хорошо, сэр. Я сам еще раз взгляну на дом, – сказал он.

Мы вчетвером вышли в холл и направились по коридору налево, туда, где была лестница. Дверь в подвал была заперта на замок и засов.

– Сейчас подвал используется как склад, – пояснил Хэс. – Дверь на улицу закрывается отсюда. Платц спит наверху, Бенсон жил внизу, но спальня его находится наверху; здесь достаточно комнат, а кухня на этом этаже.

Хэс открыл дверь на противоположной стороне коридора, и мы оказались в маленькой современной кухне. Два высоких окна, выходящих во двор, были закрыты стальными решетками и, кроме того, заперты. Пройдя через вращающуюся дверь, мы оказались в столовой, расположенной сразу же за гостиной. Два окна столовой выходили в маленький каменный двор, образованный домом Бенсона и соседним домом. Эти окна тоже были зарешечены и закрыты.

Мы снова вышли в холл и остановились в нескольких футах от лестницы, ведущей наверх.

– Вот видите, мистер Маркхэм, – сказал Хэс, – кто бы ни стрелял в Бенсона, он должен был пройти здесь. Другого пути нет. Я полагаю, раз Бенсон жил один и имел ценные вещи, то у него были основания опасаться грабителей. Во всем доме лишь одно окно в гостиной не имеет решетки, но и оно заперто. Кстати, оно выходит во внутренний двор. Остальные окна имеют решетки, но через них нельзя попасть в Бенсона, да и стреляли в него с противоположной стороны. Так что убийца должен был пройти через парадную дверь.

– Похоже, что вы правы, – согласился Маркхэм.

– Простите, что вмешиваюсь в ваши дела, – сказал Вэнс, – но Бенсон сам впустил его.

– Да? – без всякого энтузиазма откликнулся Хэс. – Ну что же, позже мы это выясним, я надеюсь.

– О, без сомнения, – сухо сказал Вэнс.

Мы поднялись наверх и вошли в спальню Бенсона, которая располагалась как раз над гостиной. Спальня была обставлена великолепно. Окна тоже были закрыты и зарешечены. Вечерний костюм и белый жилет Бенсона лежали на стуле. Постель не смята, и на ней лежали пристегивающийся воротник и черный галстук. Очевидно, Бенсон, вернувшись домой, разделся и так и оставил свои вещи. Его ботинки стояли на низкой скамейке рядом с постелью. На ночном столе стоял стакан с водой, в котором лежал платиновый мост с четырьмя фальшивыми зубами. На шифоньере лежал парик прекрасной ручной работы.

Этот последний предмет вызвал у Вэнса большой интерес. Он внимательно рассмотрел его и сказал:

– Очень интересно. Знаете, Маркхэм, кажется, наш покойный друг носил фальшивые волосы.

– Я давно подозревал это, – последовал равнодушный ответ.

Хэс, который все еще стоял у порога, выражал явное нетерпение.

– На этом этаже есть еще одна комната, – сказал он. – И тоже спальня. Экономка говорит, что она предназначена для гостей.

Мы с Маркхэмом пошли в эту комнату, а Вэнс остался стоять на лестнице. Его явно не интересовал дом Олвина Бенсона. Когда мы поднялись на третий этаж, Вэнс спустился вниз, в главный холл. Когда мы наконец вернулись, Вэнс изучал названия книг на стеллажах.

Едва мы спустились, как через переднюю дверь вошли двое мужчин с носилками. Карета «скорой помощи» стояла на улице. Они так грубо обращались с трупом и так небрежно сунули носилки в машину, что я вздрогнул. Вэнс, бросив беглый взгляд на них, тут же перестал обращать внимание на происходящее. Он держал в руках прекрасно изданный том Томаса Пейна и был погружен в свои мысли.

– Я думаю, теперь пора переговорить с миссис Платц, – заметил Маркхэм, и Хэс направился к лестнице, чтобы отдать приказание.

Скоро седоволосая женщина средних лет в сопровождении детектива с большой сигарой во рту вошла в гостиную. Миссис Платц была простой старомодной женщиной с доброжелательным выражением лица. Мне она показалась не склонной к истерии, скорее, любящей хитро помолчать, чем говорить.

– Садитесь, пожалуйста, миссис Платц, – сказал Маркхэм мягко. – Я окружной прокурор и хотел бы задать вам несколько вопросов.

Она села на стул у двери и выжидающе, с некоторым страхом осмотрела всех нас. Мягкий голос Маркхэма действовал на нее успокаивающе, и она ровным голосом стала отвечать на его вопросы. Главные факты, сообщенные ею, можно передать следующим образом.

Миссис Платц работала у Бенсона уже четыре года и являлась единственной служанкой. Жила она в этом же доме на третьем этаже.

Предыдущим днем мистер Бенсон вернулся домой необычно рано – примерно около четырех часов – и объявил, что обедать дома не будет. До половины седьмого он оставался в гостиной, причем дверь из холла была приоткрыта, а затем поднялся в спальню, чтобы переодеться.

Из дома ушел около семи часов, но куда идет, не сказал. Мимоходом он заметил, что вряд ли вернется рано и что ей не стоит его ждать. Это было ее привычкой: ждать Бенсона на случай, если ему вздумается прийти домой с гостями. Это был последний раз, когда она видела его живым. Когда он вернулся домой, она не слышала.

Она легла спать в половине одиннадцатого и, поскольку было жарко, оставила дверь приоткрытой. Разбудил ее какой-то громкий взрыв. Она была удивлена, села на постели и зажгла свет, обратив внимание, что будильник на ее столе показывал половину первого ночи. Фактически это был еще ранний час, поскольку обычно Бенсон в подобных случаях возвращался домой не ранее двух часов. Поэтому она успокоилась, решив, что это был шум от выхлопных газов автомобиля, проехавшего мимо их дома. Таким образом она успокоила себя и снова легла спать.

В семь часов утра она проснулась и, как обычно, приступила к своим обязанностям. Направляясь к входной двери за молоком и сливками, она обнаружила тело своего хозяина. Все шторы в комнате были опущены. Сперва ей показалось, что Бенсон спит в своем кресле, но потом она увидела дырку у него во лбу и обратила внимание, что электрический свет не выключен; тогда она поняла, что он мертв. Она немедленно вышла в холл, попросила телефонистку соединить ее с полицейским участком и сообщила об убийстве. Потом она вспомнила о брате своего хозяина, майоре Бенсоне, и позвонила ему тоже. Он прибыл почти одновременно с полицейскими из местного участка на Западной Сорок восьмой улице. Он немного поговорил с ней и с детективами и уехал.

– А теперь, миссис Платц, – сказал Маркхэм, просматривая записи, которые он сделал во время рассказа, – я хочу задать вам еще два-три вопроса, и больше мы вас беспокоить не будем... Скажите, миссис Платц, вы не заметили в поведении мистера Бенсона что-нибудь особенное, например страх или еще что?

– Нет, сэр, – быстро ответила она. – Он вел себя, как обычно.

– Я заметил, что почти на всех окнах этого этажа есть стальные решетки. Он боялся грабителей или что кто-то может влезть в дом?

– Не совсем так, – нерешительно ответила она. – Он часто говорил, что полиция здесь в городе очень ненадежная, прошу прощения, сэр, и что человек сам должен заботиться о себе, если не хочет иметь неприятностей.

Маркхэм с усмешкой повернулся к Хэсу:

– Сделайте себе об этом пометку, сержант. – И продолжил, обращаясь к миссис Платц: – Вы знаете кого-нибудь, кто был бы зол на мистера Бенсона?

– Ни одной души, сэр, – важно ответила экономка. – Он был во многом странным человеком, сэр, но все любили его. Он все время бывал на приемах или сам устраивал приемы. Я никак не пойму, почему кому-то захотелось убить его.

Маркхэм снова просмотрел свои записи.

– Не думаю, что вы нужны нам еще. У вас есть вопросы, сержант?

Хэс на мгновение задумался.

– Пожалуй, нет. Но вы, – он обратился к миссис Платц, – не должны покидать дом, пока не получите разрешения. Возможно, у нас еще появятся вопросы. И вы не должны никому ничего говорить, понятно? Двое моих людей будут постоянно дежурить здесь.

Во время этого разговора Вэнс что-то писал в своей маленькой записной книжке, а когда Хэс замолчал, он вырвал листок и передал его Маркхэму. Тот взял его, прочел и нахмурился. После некоторого колебания он вновь обратился к миссис Платц:

– Вы сказали, миссис Платц, что все любили вашего хозяина. А вы любили его?

Она опустила голову.

– Видите ли, сэр, – с неохотой проговорила она, – я только работала у него, и у меня нет жалоб на его обращение со мной.

Несмотря на ее слова, было ясно, что либо она чрезвычайно не любила Бенсона, либо не одобряла его поведения. Однако Маркхэм не стал углубляться в этот вопрос.

– Да, кстати, миссис Платц, – продолжал Маркхэм, – мистер Бенсон держал в доме какое-либо огнестрельное оружие? Вы не знаете, был ли у него, например, револьвер?

Впервые за время допроса женщина проявила некоторое возбуждение и даже испуг.

– Да, сэр, был, – нетвердым голосом ответила она.

Она внимательно посмотрела на Маркхэма, как бы взвешивая, стоит ли быть откровенной, и медленно проговорила:

– В потайном ящике центрального стола. – Она понизила голос: – Вы сможете открыть его, если нажмете медную кнопку.

Хэс вскочил и нажал кнопку, которую она указала. Тотчас же открылся ящик, в котором лежал смит-вессон тридцать восьмого калибра с перламутровой рукояткой. Хэс взял его и осмотрел.

– Патроны все на месте, – лаконично объявил он.

На лице женщины появилось выражение огромного облегчения, и она громко вздохнула. Маркхэм подошел к Хэсу и через его плечо уставился на револьвер.

– Приобщите его к делу, сержант, – сказал он. – Хотя я пока не знаю, какое он может иметь отношение к убийству.

Маркхэм вернулся, сел на свое место и, просмотрев записку Вэнса, снова обратился к женщине:

– Еще один вопрос, миссис Платц. Вы сказали, что мистер Бенсон рано вернулся домой и до ухода просидел в этой комнате. Вы не знаете, были ли у него посетители за это время?

Я внимательно наблюдал за женщиной, и мне показалось, что она плотнее сжала губы. Во всяком случае, перед тем как ответить, она выпрямилась на стуле.

– Нет, не было, насколько я знаю.

– Но вы знали бы об этом, если бы раздался звонок в дверь? – настаивал Маркхэм. – В этом случае вы, видимо, должны были открыть дверь?

– Никого не было, – мрачно сказала она.

– А вечером был звонок в дверь после того, как вы ушли к себе?

– Нет, сэр.

– Вы слышали бы звонок, если бы спали?

– Да, сэр. Звонок расположен возле моей двери и рядом с кухней. Он звонит сразу в двух местах. Так сделал мистер Бенсон.

Маркхэм поблагодарил и отпустил ее. Когда она ушла, он вопросительно посмотрел на Вэнса.

– Что за мысль пришла вам в голову, когда вы написали эти вопросы?

– Видите ли, у меня возникло небольшое предположение, – ответил Вэнс. – Когда эта женщина стала перевозить своего хозяина, я почувствовал, что она немного перебарщивает. В ее поведении было бессознательное противоречие этому словесному панегирику, и это заставило меня подумать, что она сама не столь пылко любила покойного джентльмена.

– А что привело вас к мысли об оружии?

– Ваши и Хэса вопросы о решетках на окнах и боязни грабителей. Если уж он принимал такие меры предосторожности, то у него, естественно, должно было быть оружие.

– Во всяком случае, – вмешался Хэс, – ваше любопытство дало нам этот прекрасный смит-вессон, однако он, возможно, никогда не пригодится.

– А какой вывод вы делаете из этого, сержант? – спросил Вэнс, не обращая внимания на сарказм.

– Я делаю вывод, что мистер Бенсон хранил свой смит-вессон в потайном ящике стола, – ответил сержант.

– Великолепно! – воскликнул Вэнс с насмешливым восхищением. – Просто великолепно! Маркхэм прервал это добродушное подшучивание:

– Почему вас заинтересовали возможные посетители, Вэнс? Здесь, очевидно, никого не было.

– Ну, это просто моя прихоть, – отозвался Вэнс. – Неожиданно мне захотелось услышать, что ответит на этот вопрос миссис.

Хэс с любопытством изучал Вэнса. Его первое впечатление от друга окружного прокурора рассеивалось. Он не был удовлетворен ответами Вэнса Маркхэму, и ему казалось, что Вэнс что-то скрывает. Хэс был хитер, он считал, что умеет разбираться в людях, но этот человек – полнейшая загадка для него.

Наконец он успокоил себя и с важным видом уселся в кресло.

– А теперь, мистер Маркхэм, – хрипло сказал он, – нам лучше наметить план действий. Чем быстрее мы приступим к делу, тем будет лучше:

Маркхэм с готовностью подхватил:

– Это целиком ваше дело, сержант. Я здесь для того, чтобы помочь в случае необходимости.

– Вы очень добры, сэр, – отозвался Хэс, – но мне кажется, что здесь работы хватит для всех... Пожалуй, я сперва разыщу владелицу сумки, а потом пошлю своих людей разузнать о ночной жизни Бенсона. Затем я займусь «кадиллаком». Кроме того, надо разузнать обо всех его приятельницах. Я полагаю, их у него полным-полно.

– Я могу заняться майором, – предложил Маркхэм. – А заодно узнать о делах, которыми занимался Бенсон. Майор скажет мне все, что я захочу.

– Я согласен, сэр, что у вас это получится лучше, чем у меня, – заметил Хэс. – К тому же дело пойдет быстрее. Когда я разыщу даму, с которой он обедал вчера, то привезу ее сюда, и тут мы все вместе поработаем над ней. Тогда мы будем знать гораздо больше, чем сейчас.

– Более или менее, – пробормотал Вэнс.

Хэс быстро посмотрел на него и раздраженно фыркнул.

– Позвольте мне сказать вам кое-что, мистер Вэнс, – произнес он. – Насколько я понял, вы хотите узнать, как раскрываются подобные дела. В таком случае учтите: всегда, когда случается сложное дело, сначала надо искать женщину.

– Ах да, – улыбнулся Вэнс. – *Cherchez la femme*⁶, как говорится. Даже римляне были подвержены суевериям. Они выражали это так: *Dux feraina facti*⁷.

– Раз они так говорили, значит, они правильно думали, – отозвался Хэс. – И не надо говорить, что у вас другое мнение.

Снова дипломатично вмешался Маркхэм:

– В справедливости этого мы скоро убедимся, я надеюсь. А теперь, сержант, если вы не возражаете, я поеду. Я обещал майору Бенсону позавтракать с ним. Вечером мы с вами увидимся, и, я думаю, у нас будут хорошие новости.

– Хорошо, – согласился Хэс, – а я еще похожу тут, возможно, я что-нибудь просмотрел. Одного своего человека я поставлю снаружи, а другой будет караулить экономку. Потом я приму репортеров и расскажу им об исчезнувшем «кадиллаке» и таинственном смит-вессоне в потайном ящике, который нашел мистер Вэнс. Полагаю, с них этого хватит. Если я найду что-нибудь еще, я позвоню вам.

Пожав руку Маркхэму, он повернулся к Вэнсу.

– До свиданья, сэр, – сказал он с такой обходительностью, что даже Маркхэм был удивлен. – Надеюсь, за сегодняшнее утро вы кое-чему научились.

– Вы ошеломили меня своими знаниями, сержант, – отозвался Вэнс.

Снова я заметил, как у Хэса в глазах мелькнуло что-то хитрое, но тут же исчезло.

– Я рад за вас, – небрежно ответил он.

Маркхэм, Вэнс и я вышли на улицу. Дежурный полисмен остановил для нас такси.

– Значит, таким образом наша *gendarmerie*⁸ раскрывает всякие таинственные преступления, – пробормотал Вэнс, когда машина тронулась. – Маркхэм, старина, как это таким здоровьякам удается разыскивать преступников?

– Пока вы видели лишь одни предварительные мероприятия, – ответил Маркхэм. – Существует множество самых обычных шаблонных дел, которые предстоит сделать, – *ex abun dantia cauteloe*⁹, как говорим мы, юристы.

– Но, боже, какая техника! – вздохнул Вэнс. – Да, *quantum est in rebus inane*¹⁰, как говорим мы, неспециалисты.

– Я знаю, что вы плохо думаете о способностях сержанта Хэса, – нетерпеливо продолжал Маркхэм. – Но он умный человек, и не надо его недооценивать.

– Не буду спорить, – пробормотал Вэнс. – Кстати, я чертовски благодарен вам за то, что вы мне дали возможность увидеть эту важную процедуру. Я восхищен ею. А ваш эскулап просто великолепен, такой, знаете ли, бодрый, безэмоциональный парень, которого не волнует вид трупа. Ему бы следовало самому совершать преступления, вместо того чтобы изучать медицину.

---

⁶ Ищите женщину (*фр.*).

⁷ Все происходит из-за женщины (*лат.*).

⁸ Жандармерия (*фр.*).

⁹ Для предосторожности (*лат.*).

¹⁰ Как много пустоты (*лат.*).

Маркхэм ничего не сказал и с мрачным видом глядел в окно, пока мы не приехали к дому Вэнса.

– Не нравится мне это дело, – сказал Маркхэм, когда мы вышли из машины. – У меня есть какое-то странное предчувствие.

Вэнс краем глаза покосился на него.

– Послушайте, Маркхэм, – с необычайной серьезностью спросил он, – у вас есть идея, кто застрелил этого Бенсона?

Маркхэм слабо улыбнулся:

– Я бы хотел, чтобы она была. Убийства – это такие преступления, которые очень трудно раскрыть. И мне кажется, что это дело будет одним из сложнейших.

– Подумать только! – воскликнул Вэнс. – А мне кажется, что оно будет чрезвычайно простым.

Глава 5

Сбор информации

(Суббота, 15 июня, утро)

Вы, видимо, помните сенсацию, вызванную убийством Олвина Бенсона. Это было одно из тех убийств, которые непреодолимо действуют на воображение. Тайна – основа любой романтики, а в деле Бенсона тайн было в избытке. Прошло много дней, прежде чем пролился свет на события, сопутствующие убийству, но число *ignes fatui*¹¹ выросло настолько, что вокруг этого дела ходило множество самых диких слухов.

Олвин Бенсон, не будучи человеком романтичным с любой точки зрения, был хорошо известен, и его личная жизнь постоянно находилась под наблюдением. Он принадлежал к числу богачей из нью-йоркской богемы – заядлый спортсмен, опрометчивый игрок, настоящий светский человек, и его жизнь освещалась в газетах. Его подвиги в ночных клубах и кабаре служили темой для сплетен и бульварных газет.

Олвин Бенсон и его брат Энтони держали маклерскую контору в доме номер 21 на Уолл-стрит под вывеской «Бенсон и Бенсон». Среди других маклеров они слыли хитрыми и проницательными дельцами, хотя ходили слухи об их неэтичных делах. Братья были полной противоположностью друг другу по характеру, вкусам и привычкам. Олвин Бенсон был любителем развлечений и считался покровителем всех сомнительных кафе города, тогда как Энтони Бенсон, который был старше брата и в минувшую войну дослужился до майора, вел спокойную и уравновешенную жизнь, проводя все свободное время в порядочных клубах. Оба, однако, были популярны в своих кругах и имели большую клиентуру.

Известие об убийстве газеты тут же разнесли по стране. Больше того, это убийство произошло в момент, когда в столичной прессе наступило затишье и не было ни скандальных, ни сенсационных событий. И это дело заняло первые страницы газет и журналов с такой скоростью, которая до сих пор не была свойственна ни одному подобному делу¹².

Дотошные репортеры интервьюировали всех более или менее известных детективов. Были вытащены на свет все неразгаданные таинственные убийства, а к прорицателям и астрологам нельзя было пробиться. Репортеры воскресных газет предлагали различные метафизические советы. Фотографии и детальные планы выходили отдельными изданиями.

Во всех изданиях склонялись серый «кадиллак» и смит-вессон с перламутровой ручкой. На всех фотографиях и картинках изображался «кадиллак» с рыболовными принадлежностями на заднем сиденье. По рукам ходили бесчисленные фотографии стола Бенсона с закрытым и открытым потайным ящиком. Один воскресный журнал дошел до того, что нанял специалиста для написания трактата о расположении секретных ящиков в различных вещах мебели. Дело Бенсона стало трудным и запутанным с самого начала даже с полицейской точки зрения. С того момента, как Вэнс и я покинули место преступления, расследованием занялся целый отряд детективов из Бюро уголовных расследований и прокуратуры под командованием сержанта Хэса. Дом Бенсона еще раз подвергся обыску сверху донизу, вся его личная корреспонденция была тщательно прочитана, но не было найдено ничего такого, что хотя бы в малейшей степени могло пролить свет на трагедию. Не было найдено никакого оружия, кроме бенсоновского смит-вессона, все решетки на окнах были снова тщательно прощупаны, и все в

---

¹¹ Глупое предсказание (*лат.*).

¹² Даже известное дело Элуэлла, которое слушалось несколько лет назад, не вызвало такой сенсации, хотя Элуэлл был более известен, чем Бенсон, а замешанными в деле оказались люди, занимавшие очень высокие посты.

конечном итоге согласились, что либо убийца воспользовался собственным ключом для проникновения в дом, либо был впущен самим Бенсоном. Кстати, Хэс был не согласен с последней возможностью, несмотря на то, что миссис Платц горячо утверждала, что ключа от двери не было ни у одной живой души, кроме нее самой и ее хозяина.

Из-за отсутствия какого-либо ключа – кроме дамской сумочки и перчаток – были проверены все друзья и знакомые Бенсона в поисках хоть малейшей зацепки. Хэс все же не терял надежды разыскать владелицу сумочки. Особые усилия были приложены к тому, чтобы установить место, где провел Бенсон вечер. И хотя были допрошены многие знакомые Бенсона и осмотрены все кафе, где любил бывать Бенсон, не был найден ни один человек, который видел его в тот вечер, и не нашли даже таких людей, которым он говорил бы о своих планах на этот вечер. Больше того, не было вообще никакой информации, относящейся к последнему вечеру в его жизни. У Бенсона не было явных врагов, он ни с кем не поссорился, а его дела были в полном порядке.

Майор Энтони Бенсон, естественно, стал важной персоной, поскольку знал интимную жизнь своего брата. И в связи с этим прокуратура сделала его главным действующим лицом с самого начала дела об убийстве. В день обнаружения трупа Маркхэм завтракал с майором Бенсоном, и хотя последний изъявил готовность сотрудничать, его догадки представляли весьма малую ценность. Он сообщил Маркхэму, что знает большинство связей брата, но не может назвать никого, кто мог бы совершить подобное преступление, и никого, кто мог бы навести полицию на след преступника. Однако он откровенно признал, что в жизни брата была неизвестная ему полоса, и сожалел, что он не может о ней ничего сказать. Но он предупредил, что связи его брата с женщинами носили далеко не общепринятый характер, и считал возможным, что мотив преступления кроется именно здесь. Согласно сведениям, полученным от майора Бенсона, Маркхэм немедленно послал двоих своих людей проверить всех знакомых женщин Бенсона. И, помня интерес Вэнса к экономке, проявленный им во время допроса, он послал еще одного человека проверить прошлое, настоящее и все связи этой женщины.

В ходе расследования было выяснено, что миссис Платц родилась в городе Пенсильвания, ее родители были немцами и давно умерли. Сама она вот уже больше шестнадцати лет была вдовой. До Бенсона она двенадцать лет служила в одной семье и ушла оттуда лишь потому, что ее хозяйка продала дом и переехала жить в отель. Ее предыдущий хозяин, будучи допрошен полицией, показал, что у миссис Платц был ребенок, хотя он никогда его не видел и ничего о нем не слышал. Эти факты ничего Маркхэму не дали, но на всякий случай он приобщил это показание к делу.

Тем временем сержант Хэс искал по городу серый «кадиллак», хотя не верил в его причастность к убийству. Больше всего он надеялся, что найти машину ему помогут газеты, которые уже опубликовали сообщения о преступлении. Один любопытный факт вселил в полицию надежду, что с помощью этого «кадиллака» они сумеют выйти на преступника. Чистильщик с улицы, услышав или прочитав о том, что на заднем сиденье «кадиллака» были сложены рыболовные принадлежности, сообщил, что нашел две целые и исправные удочки у тротуара Центрального парка около Коламбус-Сайкл. Сразу возник вопрос: принадлежали ли эти удочки к тем, которые видел в «кадиллаке» полицейский Мак-Лолин? Владелец «кадиллака» мог потерять их, когда удирал после убийства, но, с другой стороны, их мог потерять любой шофер, который проезжал мимо Центрального парка. Никакой дальнейшей информации не последовало, и к утру следующего дня дело продолжало оставаться на том же уровне, что и в день обнаружения трупа.

Утром Вэнс послал Карри за газетами, а потом целый час обсуждал различные аспекты преступления. Для Вэнса чтение газет было настолько необычным занятием, что я не сумел скрыть изумления при виде того, чем он занимается.

– Нет, дорогой старина Ван, – лениво пояснил он, – я не стал сентиментальным, я даже не стал более гуманным, хотя это слово сегодня ошибочно звучит на все лады. Я не могу согласиться с Теренцием: *homo sum, humani nihil a me alienum puto*¹³, потому что я видел много всего, что они именуют гуманизмом. Видите ли, Ван, это маленькое оживление в связи с преступлением очень интересно или, как пишут в журналах, очень интригующе, фу, какое дикое слово! Ван, вы просто обязаны прочесть это интервью с сержантом Хэсом. Он занял целую колонку словами: «Я ничего не знаю». Бесценный парень! Я просто начинаю нежно любить его.

– Может быть, Хэс скрывает свои знания, как хитрый дипломат, – высказал я предположение.

– Нет, – отозвался Вэнс и печально покачал головой. – Человек с его тщеславием не удержался бы от соблазна известить о своих способностях весь мир хотя бы из-за того же гуманизма и из желания добиться справедливости. Для него было бы мукой промолчать об этом.

– Во всяком случае, Маркхэм может знать или подозревать что-либо такое, о чем следует временно умолчать, – не сдавался я.

Вэнс на мгновение задумался.

– Да, в этом нет ничего невозможного, – согласился он. – И он держится в стороне от этой журналистской говорильни. Может быть, мы основательно вникнем в это дело, а, Ван?

Он подошел к телефону, набрал номер прокуратуры, и я слышал, как он договаривался с Маркхэмом о встрече за ланчем в «Стюйвезант-клубе».

– А как насчет статуэтки Надельманна у Штирмера? – спросил я, вспомнив о причине, которая привела меня в это утро в дом Вэнса.

– Сегодня у меня нет настроения заниматься греческими безделушками, – ответил он и снова уткнулся в газету.

Сказать, что я был удивлен его поведением, – значит не сказать ничего. За все время нашего знакомства я не помню случая, чтобы он отказался разговаривать или рассматривать какой бы то ни было предмет искусства. Однако сейчас это случилось. Я был достаточно сообразителен, чтобы понять, насколько интенсивно работает его ум, и перестал донимать его.

Маркхэм немного опоздал; когда он прибыл в клуб, мы с Вэнсом уже сидели в углу за нашим любимым столиком.

– Приветствую вас, мой милый Ликург, – встретил его Вэнс. – Что нового ожидает человечество в ближайшем будущем? Есть ли у вас новые ключи к этому делу?

Маркхэм улыбнулся:

– Я вижу, вы читали газеты. Какое же мнение сложилось у вас?

– Без сомнения, дело типичное, – ответил Вэнс. – Они настойчиво и кропотливо ищут все что угодно, кроме самого существенного.

– В самом деле? – шутливо осведомился Маркхэм. – А что, разрешите спросить вас, вы считаете самым существенным в этом деле?

– С точки зрения глупого любителя, я бы считал наличие парика вашего дорогого Олвина, – ответил Вэнс. – Довольно подозрительная вещь, знаете ли.

– Во всяком случае, Бенсон носил эту штуку, насколько я понимаю... А что еще?

– А еще воротничок и галстук на постели.

– И искусственные зубы в стакане, – шутливо добавил Маркхэм.

– Вы удивительно догадливы! – воскликнул Вэнс. – Да, это тоже очень существенная деталь ситуации. И меня удивляет, что несравненный сержант Хэс не обратил внимания на эти вещи. Впрочем, некоторые Аристотели часто небрежны в своих наблюдениях.

– Вы не особенно интересовались вчерашним расследованием, – сказал Маркхэм.

---

¹³ Я человек, ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*).

– Наоборот, – уверил его Вэнс, – я оцепенел от изумления. Вся ваша процедура была пределом абсурдности. Все относящееся к делу начисто игнорировалось. Там была по меньшей мере дюжина *points de depart*¹⁴, и все они вели в одном направлении, тем не менее ваши официальные *rougarparleurs* их даже не заметили. Каждый занимался дурацким делом – вроде разглядывания концов сигарет и решеток на окнах. Кстати, эти решетки интересны сами по себе – флорентийская работа.

Маркхэм был изумлен и раздражен.

– Для полиции это имеет большое значение, Вэнс, – сказал он. – В конце концов своего они добиваются.

– Я просто обожаю вашу доверчивую натуру, – промямлил Вэнс. – Но признайтесь мне, Маркхэм, что вам известно об убийстве Бенсона?

Маркхэм колебался.

– Это, конечно, совпадение, – наконец заговорил он, – но утром после вашего ухода один из моих людей, которого я послал проверить любовную жизнь Бенсона, доложил, что он нашел женщину, которой принадлежат сумочка и перчатки. В поисках ему помогли инициалы на платке. Он узнал о ней интересные факты. Как я и подозревал, она обедала с Бенсоном. Она актриса музыкальной комедии, и ее зовут Мюриэл Сент-Клер.

– Какое несчастье! – вздохнул Вэнс. – Я, знаете ли, надеялся, что сыщики не найдут эту леди. Я не имею удовольствия быть знакомым с нею, иначе я послал бы ей соболезнование... Я полагаю, теперь вы будете играть роль судебного следователя и подвергнете ее разным ужасам, не так ли?

– Я обязательно допрошу ее, если вы это имеете в виду.

Маркхэм был рассеян, и остальное время мы в основном молчали.

Когда после ланча мы курили в комнате отдыха, майор Бенсон, который с удрученным видом стоял у окна, заметил Маркхэма и подошел к нам. Это был плотный, коренастый мужчина лет пятидесяти с круглым серьезным лицом.

Он поклонился Вэнсу и мне и обратился к окружному прокурору:

– Маркхэм, я со вчерашнего дня постоянно думаю об этом, и мне кажется, что можно сделать другие предположения. Есть один человек, Линдер Пфайф, который был очень близок с Олвином. Может быть, он сумеет дать вам некоторую полезную информацию. Вчера я совсем выпустил его из виду. Он живет не в городе, а на Лонг-Айленде. Кажется, Порт-Вашингтон. Это только идея. Правда, я не очень уверен, что он сумеет что-нибудь прояснить в этом ужасном деле.

Он как-то быстро и украдкой вздохнул, как будто хотел скрыть свои эмоции. Было очевидно, что он очень подвижный человек, хотя скрывал это за внешней пассивностью.

– Это хорошее предположение, майор, – сказал Маркхэм, делая пометку на обороте какого-то письма. – Я немедленно свяжусь с ним.

Вэнс, который все это время безучастно смотрел в окно, неожиданно обратился к майору:

– А как насчет полковника Острандера, майор? Я несколько раз видел его в компании вашего брата.

Майор Бенсон сделал слабый неодобрительный жест:

– Простое знакомство. Он не представляет интереса. – Он повернулся к Маркхэму: – Я и не надеялся, что вы так быстро продвинетесь вперед.

Маркхэм вынул изо рта сигарету и задумчиво покрутил ее в пальцах.

– Я бы этого не сказал, – заметил он. – Я близок к тому, чтобы найти человека, с которым ваш брат обедал в четверг. И мне известно, что этот человек вернулся с ним домой около полуночи. – Он помолчал, как бы раздумывая, стоит ли говорить дальше, и добавил: – Фак-

---

¹⁴ Точка отправления (*фр.*).

тически мне больше не нужны доказательства. Тех, что у меня есть, хватит, чтобы предстать перед Большим жюри и требовать обвинительного заключения.

На мрачном лице майора мелькнуло выражение удивленного восхищения.

– Спасибо Богу за это, Маркхэм! – воскликнул он. Потом он потер свою массивную челюсть и положил руку на плечо окружного прокурора. – Действуйте, Маркхэм! Если я вам понадоблюсь, я буду в клубе допоздна.

Он повернулся и вышел из комнаты.

– Майор слишком хладнокровен для человека, совсем недавно лишившегося брата, – заметил Маркхэм. – Впрочем, мир продолжает существовать.

Вэнс зевнул.

– Почему? – пробормотал он равнодушно.

Глава 6

Вэнс высказывает мнение

(Суббота, 15 июня, 2 часа дня)

Некоторое время мы сидели молча. Вэнс лениво поглядывал на Мэдисон-сквер, а Маркхэм задумчиво рассматривал портрет старика Питера Стюйвезанта, висевший над камином.

Наконец Вэнс обернулся к Маркхэму и сардонически улыбнулся:

– Знаете, Маркхэм, меня всегда удивляет легкость, с какой вы расследуете преступления. Вы находите отпечаток ноги, брошенный автомобиль или носовой платок с монограммой и немедленно начинаете носиться с вашими вечными *esse homo*¹⁵! Слово всех вас зачаровал какой-то волшебник. Неужели вы не знаете, что нельзя раскрыть преступление, пользуясь дедуктивными методами, основанными лишь на материальных ключах и случайных уликах?

Я думаю, Маркхэм был удивлен не меньше меня этой неожиданной критикой, однако мы оба хорошо знали Вэнса, чтобы понять, что, несмотря на его беззаботный и легкомысленный тон, за его словами скрывается серьезная цель.

– Будь вы адвокатом, вы бы отбрасывали все доказательства преступления? – покровительственно спросил Маркхэм.

– Многозначительное замечание, – холодно сказал Вэнс. – Это не только бесцельно, но и опасно... Самая большая вина ваша в том, что к каждому преступлению вы относитесь с непоколебимой уверенностью, что его совершил дурак. Неужели вам ни разу не приходило в голову, что если тот или иной ключ видит детектив, то его в равной степени видит и преступник, и он его либо прячет, либо уничтожает, если не хочет быть пойманным? И неужели вы ни разу не задумывались, что у любого мало-мальски умного человека, который задумал совершить преступление в наши дни, *ipso facto*¹⁶, хватит ума, чтобы достичь своей цели и сфабриковать улики, ведущие к другому? Ваш детектив никак не может согласиться, что внешняя картина места преступления может быть обманчивой или что ключи подброшены с тем расчетом, чтобы навести на след другого человека.

– Боюсь, что мы наказывали бы небольшое число преступников, – с иронией сказал Маркхэм, – если бы игнорировали улики, неоспоримые обстоятельства дела и выводы.

– Видите ли, Маркхэм, в этом ваша фундаментальная ошибка. Каждое преступление засвидетельствовано посторонним, как любой акт искусства. Тот факт, что никто не видел преступника или художника, которые делали свою работу, целиком нелогичен. Современный следователь ни за что не поверит, что Рубенс написал картину «С крестом через пустыню» в кафедральном соборе в Антверпене, если он, например, по делу был на дипломатическом приеме и поэтому не видел, как трудился художник. А такое заключение, мой дорогой друг, будет явно абсурдным. Даже если он придет к выводу, что в силу каких-либо причин художник не мог быть в этой стране, все равно он будет не прав. Почему? Да по одной простой причине: такую картину мог создать только Рубенс. Она носит отпечаток его личности и его гения – и только его одного.

– Я не эстет, – с легким раздражением заметил Маркхэм. – Я только юрист и, когда заходит речь о виновнике преступления, предпочитаю существующие и реальные доказательства метафизическим гипотезам.

---

¹⁵ Вот человек (*лат.*).

¹⁶ В силу самого факта (*лат.*).

– Дорогой мой, это ваше предпочтение и приводит вас к разным ошибкам, – заметил Вэнс.

Он медленно закурил новую сигарету и выпустил к потолку струю дыма.

– Возьмите, например, заключение по данному делу об убийстве. Вы находитесь под влиянием неверного вывода, что вы, вероятно, знаете человека, который убил нашего Бенсона. Вы убедили в этом майора и сказали ему, что у вас много доказательств, которые дают вам возможность требовать обвинительного заключения. Несомненно, у вас в руках есть некоторое число улики, которые современный Солон может назвать убедительными. Но истина заключается в том, что вы понятия не имеете, кто в данном случае виновный. Вы ухватились за бедную девушку, которая к преступлению не имеет никакого отношения.

Маркхэм резко повернулся к нему.

– Так! – воскликнул он. – Значит, я ухватился за невинного человека? Поскольку только мои помощники и я знаем обо всех уликах против нее, может быть, вы будете столь любезны и сообщите мне, почему вы считаете ее невиновной?

– Видите ли, – улыбнулся Вэнс, – это очень просто. Вы не знаете убийцу по той причине, что человек, совершивший это страшное преступление, достаточно хитер и проницателен и позаботился о том, чтобы ни вам, ни полиции не достались ключи или улики, которые могли бы указать на него.

Он говорил с мягкой уверенностью человека, который сообщает очевидные факты, не оставляющие места для споров.

Маркхэм презрительно засмеялся:

– Ни один правонарушитель, как бы хитер он ни был, не в состоянии предусмотреть все возможности. Даже самый тривиальный факт имеет столько различных связей с другими фактами, что – и это известно любому преступнику, – как бы долго и тщательно ни составлялся план преступления, всегда остаются нити, которые ведут к преступнику.

– Известный факт, – повторил Вэнс. – Нет, дорогой мой, только общепринятое суеверие основано на детской вере в неумолимость и неизбежность встречи с Немезидой. Я могу понять эту вашу слепую веру в неотвратимость наказания, но, честное слово, это заставляет меня думать, что вы верите в мистику.

– Не стоит тратить на споры весь день, – резко сказал Маркхэм.

– Посмотрите на любое нераскрытое преступление, – продолжал Вэнс, не обращая внимания на слова Маркхэма. – Эти преступления ставят в тупик самых лучших детективов, и что же? Отсюда следует, что раскрываются лишь те преступления, которые были задуманы и осуществлены дураками. Поэтому если сообразительный человек задумает совершить преступление и осуществит его, то останется очень мало шансов, что его найдут.

– Ха! Нераскрытые преступления! – презрительно фыркнул Маркхэм. – Это, скорее, результат плохой работы полиции, чем превосходства преступника.

– Плохая работа, – нежно промолвил Вэнс, – это попытка оправдать неумение мыслить. Человек изобретательный и имеющий мозги не может плохо работать в вашем смысле... Нет, мой дорогой Маркхэм, нераскрытые преступления – это такие, которые были обдуманы и осуществлены человеком умным. И знаете, Маркхэм, дело Бенсона относится к такой категории. Поэтому, когда через несколько часов после начала следствия вы утверждаете, что вам известен преступник, вы должны простить меня за то, что я вам не верю.

Он замолчал и сделал несколько быстрых затяжек.

– Искусственные и казуистические методы дедукции, которые вы все применяете, практически никуда не ведут. Поэтому мне очень жаль несчастную леди, которую вы собираетесь засадить за решетку.

Маркхэм, скрывавший свое раздражение за презрительной усмешкой, снова повернулся к Вэнсу:

– Так уж случилось, и я говорю об этом *ex cathedra*¹⁷, что у меня есть улики против этой вашей «несчастной леди».

Вэнс неподвижно сидел на своем месте.

– Знаете, Маркхэм, – сухо заметил он, – ни одна женщина не смогла бы совершить это убийство.

Я видел, что Маркхэм взбешен. Когда он заговорил, то чуть не шипел от злости:

– Женщина не могла сделать это, несмотря на улики?

– Совершенно верно, – отозвался Вэнс. – И я не поверю, даже если она поклянется всеми святыми, что это сделала она.

– Ага! – В голосе Маркхэма слышался нескрываемый сарказм. – Значит, вы не цените даже признания?

– Да, мой дорогой Юстиниан, – с благодушным видом ответил Вэнс. – Именно так. Признание не только не представляет какой-либо ценности, но приводит к еще большим заблуждениям. Тот факт, что случайно оно может оказаться точным, вроде сильно переоцененной женской интуиции, показывает еще большую его нереальность.

Маркхэм презрительно фыркнул:

– Почему тогда люди признаются в своей вине в ущерб себе, если, конечно, они не чувствуют, что так или иначе правда будет найдена?

– Честное слово, Маркхэм, вы изумляете меня! Позвольте мне довести, *privatissime et gratis*¹⁸, до ваших невинных ушей, что имеется множество других вероятных мотивов для признания. Признание может быть результатом страха, принуждения, целесообразности, материнской любви, рыцарского поведения, ошибочного понимания своего долга, извращенного эгоизма, того, что психоаналитики называют комплексом неполноценности, заблуждения, голого тщеславия и сотен других причин – самая вероломная и нереальная форма из всех доказательств, и даже самый глупый и ненаучный закон отвергает признание в делах об убийстве как форму доказательства.

– Вы весьма красноречивы, Вэнс, – сказал Маркхэм. – Но если закон отвергает все признания и отменяет вещественные доказательства, тогда обществу остается закрыть все суды и тюрьмы.

– Типичный образец формальной логики, – отозвался Вэнс.

– Но могу я вас спросить, откуда к вам придет убеждение в виновности?

– Есть один непогрешимый метод определения человеческой вины, – ответил Вэнс. – Но поскольку полиция пребывает в блаженном неведении, то она теряет возможность раскрыть преступление. Правда может быть получена только путем анализа психологических факторов и применения их к данной личности. Реальными ключами к делу являются факты психологические, а не материальные. Ваш покорный слуга, изучая предметы искусства, например картины, не прибегает к химическому анализу холста и краски, но изучает манеру исполнения и замысел художника. Он задает себе вопрос: мог ли эту картину написать соответствующий гениальный художник, например Рубенс, Микеланджело, Тициан, Тинторетто или Веронезе?

– Боюсь, что ваш подход слишком примитивен, а красивая аналогия ничего не дает, потому что имеющиеся у меня факты применительно к данному произведению, которое можно назвать «Дело об убийстве Олвина Бенсона», неумолимо указывают на некую молодую женщину.

Вэнс пожал плечами:

– Может быть, вы скажете мне, каковы эти факты?

---

¹⁷ Буквально: «с кафедры»; особенно авторитетно, непрерываемо (*лат.*).

¹⁸ От своего имени и безвозмездно (*лат.*).

– Конечно, скажу, – ответил Маркхэм. – *Im primis*¹⁹: леди была в доме в момент выстрела. Вэнс недоверчиво посмотрел на него:

– Да? Она действительно была там? Очень интересно!

– Доказательство ее присутствия неуязвимо, – продолжал Маркхэм. – Как вы знаете, на камине в гостиной Бенсона были найдены ее перчатки и сумочка.

– О! – с улыбкой произнес Вэнс. – Но это значит, что в момент выстрела присутствовала не сама леди, а ее перчатки и сумочка. Я оплакиваю человека, который считает эти два разных условия одинаковыми. Мои брюки в химчистке, следовательно, я сам в химчистке, так?

Маркхэм покровительственно улыбался:

– А разве не является доказательством тот факт, что необходимые предметы вечернего женского туалета найдены на следующее утро в доме человека, с которым она проводила время?

– Конечно, нет, – ответил Вэнс. – Я не сомневаюсь, что можно найти массу других объяснений.

– Но если леди не носит эти предметы днем, если она не могла попасть в дом Бенсона в его отсутствие и без ведома экономки, то можно спросить, каким образом эти вещи оказались в доме убитого?

– Честное слово, я не имею понятия, – ответил Вэнс. – Сама леди, несомненно, вызывает любопытство. Но знаете ли, возможны различные объяснения. В конце концов эти вещи мог принести в своем кармане наш усопший. Вы же знаете, как любят женщины совать в карманы мужчин свои безделушки. «Вы бы не могли положить себе в карман мои вещи, чтобы у меня были свободны руки?» Вполне возможно, что эти вещи оставил убийца, чтобы навести полицию на след невинного человека. Женщины, знаете ли, никогда не кладут свои вещи на камин или вешалку для шляп. Они могут бросить их в ваше любимое кресло или на стол.

– И сигаретные окурки Бенсон тоже принес в своих карманах? – ехидно спросил Маркхэм.

– В отдельных случаях бывают и более странные вещи, – спокойно отозвался Вэнс, – хотя я и не утверждаю, что это сделал он. Окурки могут быть доказательством предыдущего *conversation*²⁰.

– Даже у презираемого вами Хэса хватило ума узнать у экономки, что она каждое утро чистит камин.

Вэнс вздохнул:

– Смотрите, как вы находчивы! Но скажите, ведь это не единственная ваша улика против леди?

– Конечно, нет, но, несмотря на ваше недоверие, всё тем не менее подтверждает мою правоту.

– О, я не сомневаюсь, что в наших судах часто судят невинных людей... Но расскажите мне еще.

Маркхэм принял самоуверенный вид.

– Первое, что выяснил мой человек: Бенсон обедал с этой женщиной в «Марселе», небольшом богемном ресторане на Западной Сороковой улице. Второе: они поссорились. Третье: в полночь они вышли из ресторана и вместе сели в такси... Убийство произошло в половине первого. Но, поскольку она живет на Риверсайд-Драйв в районе Восьмидесятых улиц, Бенсон не стал провожать ее, что он должен был сделать, если бы не повез ее к себе. Так что в момент выстрела она была в доме Бенсона. Кроме того, мой человек узнал в апартаментах, где живет эта женщина, что она вернулась домой в начале второго. Больше того, она была без

---

¹⁹ Прежде всего (*лат.*).

²⁰ Разговор, беседа (*фр.*).

перчаток и сумочки, и для того, чтобы попасть к себе, ей пришлось воспользоваться отмычкой, причем она заявила, что свой ключ потеряла. Как вы помните, в ее сумочке мы нашли ключ. Ну и последнее – это те сигаретные окурки, на которые вы сами обратили внимание.

Маркхэм торжествующе посмотрел на Вэнса и задымил сигарой.

– Видите, как много произошло событий в тот вечер, – продолжал он. – Как только сегодня утром мы опознали личность этой женщины, я послал двоих своих людей покопаться в ее личной жизни. Когда я днем зашел в свой кабинет, они позвонили мне. Они выяснили, что у нее есть жених, армейский капитан Ликок, который вполне мог достать такой револьвер, из которого был убит Бенсон. Кроме того, стало известно, что этот Ликок завтракал с ней в день убийства и звонил ей на следующее утро.

Маркхэм наклонился вперед и продолжал свою речь, при каждом слове постукивая пальцами по ручке кресла.

– Как видите, у нас есть мотив, удобный случай и возможность. Может быть, теперь вы согласитесь, что у меня есть доказательства?

– Мой дорогой Маркхэм, – с холодной твердостью произнес Вэнс, – вы не назвали ничего такого, что нельзя было бы объяснить по-другому, причем это может сделать любой школьник. – Он печально покачал головой. – Подумать только, из-за таких доказательств людей лишают свободы и жизни! Честное слово, Маркхэм, я начинаю бояться за свою личную безопасность.

Маркхэм разозлился:

– Почему вам так нравится искать ошибки в моих утверждениях?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.